

Предисловие

День, приобщенный вечности

Имя рязанского протоиерея Сергия Соколова – богослова, педагога, писателя, исповедника безбожных лет, – свет его мысли и тепло его сердца дошли до нас истинно милостью Божией. Книга, которую вы держите сейчас в руках, – живое свидетельство о духовной жизни русского народа, о его Церкви и духовенстве – в эпоху, которую можно назвать порогом катастрофы.

Сергей Алексеевич Соколов родился в 1866 году в Скопинском уезде Рязанской губернии, в священнической семье. Ему был всего год, когда его отец, священник Алексей Соколов, умер, «не оставив после себя никаких средств, так как село Филиппово представляло из себя самый бедный приход Рязанской епархии».* Овдовевшая супруга отца Алексея с двумя из четверых детей (младшими; двоих старших взяли к себе родственники) вернулась в дом своего отца,

* *Рязанские епархиальные ведомости, 1911. № 13, некролог по случаю смерти Арсения Алексеевича Соколова – помощника смотрителя Рязанского духовного училища, старшего брата протоиерея Сергия Соколова.*

сельского священника Иоанна Добротворцева. Дом этот «постоянно был наполнен множеством вдов и сирот» ...*

Читая повесть «Прощеный день», мы видим старого священника, дедушку того мальчика, от лица которого ведется повествование: смиренного труженика и мудреца. Видим, как дедушка молится по утрам, как он добродушно препирается с постаревшей и бесконечно любимой подругой жизни; как задает сена коровам, потом спешит затемно в церковь, крестит младенца, беседует с крестьянами, служит обедню, говорит проповедь о смирении и прощении... и заканчивает эту проповедь слезами. Это живой портрет отца Иоанна Добротворцева. Но есть и иные бесценные документы, рассказывающие об отце Иоанне: это публикации «Рязанских епархиальных ведомостей», например, трогательная корреспонденция из села Кузьминского (№ 3 за 1890 год), рассказывающая о том, как крестьянский приход провожал своего батюшку, собравшегося наконец по болезни и немощи за штат, и как тот не смог удержать слез... А затем – некролог, опубликованный в «Рязанских епархиальных ведомостях» (№ 12 за 1895 год; отец Иоанн отошел ко Господу на 86-м году земной жизни):

«Отец Иоанн при ясном и светлом уме был самого скромного мнения о своих умственных достоинствах и каждого считал умнее себя; будучи истинным христианином в жизни, он, казалось, не замечал своих добродетелей и любил

* *Рязанские епархиальные ведомости, 1911. № 13, некролог по случаю смерти Арсения Алексеевича Соколова – помощника смотрителя Рязанского духовного училища, старшего брата протоиерея Сергея Соколова..*

повторять слова апостола Павла: *о себе не похваляю, только о немощах моих* (2 Кор. 12, 5). И все это в нем не было ложным самоумалением, за которым обыкновенно скрывается большое самолюбие, жаждущее возвеличения, а выходило как-то просто и искренне. (...)

Отец Иоанн имел незлобивое и кроткое сердце. Зная его характер и всматриваясь в его жизнь, невозможно было представить, чтобы этот человек мог иметь на кого-то зло или питать к кому-нибудь враждебное чувство: так это не шло к его всегдашнему мирному настроению. А если когда и выходило у него с кем-нибудь недоразумение или неудовольствие, то он первый спешил просить прощения, никогда не давая себе труда разбирать, был ли этот другой старший или младший его (старше или младше по отношению к нему. — М. Б.), был ли он равный ему или подчиненный его. (...) В смиренной и незлобивой душе отца Иоанна жила вера в Бога пламенная и крепкая. Привязанность его к небесному была какая-то особенно живая, незатемненная никакими человеческими умствованиями. Когда ему приходилось говорить о Боге, о спасении, о будущей жизни, то он говорил именно то, в чем, чувствовалось, и есть вся сила. Он не говорил ничего такого, что только кажется душеспасительным и имеет „образ благочиния“, а не имеет той внутренней силы, которая трогает человеческое сердце. (...)

Отец Иоанн Добротворцев был добрым пастырем своих прихожан. Он любил их, они любили его. Он был постоянно приветлив и ласков с ними до нежности. Приходящего

к нему с какой-либо нуждой или за советом он ласково встретит, ласково спросит и научит. Выдающиеся качества души его – любовь и смирение – налагали на все его пастырские действия особенный отпечаток жизненности и силы. Так, когда он говорил кому-либо слово назидания, то оно в устах его имело покоряющую силу, потому что – собеседник чувствовал – оно исходило из сердца».

Первая публикация подписана «С.С.», некролог – «С-в»; есть все основания полагать, что за этими подписями – внук и воспитанник усопшего, Сергей Соколов, тогда еще не священник. Слишком очевидна связь с «Прощеным днем».

Внук, воспитанник, духовный наследник отца Иоанна Сергей с детства прислуживал ему в алтаре; окончил Рязанское духовное училище, Рязанскую семинарию, а затем и Московскую духовную академию. Вот что можно прочитать о его ученических годах в книге бывшего преподавателя семинарии – рязанского историка, краеведа и архивиста, выпускника Московской духовной академии Степана Дмитриевича Яхонтова (1853–1942) «Воспоминания» (Рязань, 2017): «В восьмидесятых годах было обыкновенно в семинарии на годичном собрании читать перед собранием с присутствием архиерея, прочих высоких лиц и духовенства лучшие сочинения. Помню, на первый же год читал сочинение Сергея Соколова об Иване Сусанине. Маленький мальчик, очень умный, написал очень литературно, так, что мне не конфузно было выступить с ним. Он удостоился похвал. Мы были с ним впоследствии сослуживцами

в семинарии, он был помощником инспектора и законоучителем Первой гимназии...»

С 1899 года (то есть с момента иерейской хиротонии) по 1917 год отец Сергей служил законоучителем Первой Рязанской мужской гимназии, а также – с 1912-го по тот же революционный год – Мариинской женской гимназии в Рязани; был членом епархиального совета, благочинным.

В 1911 году в Рязани в типографии святого Василия вышел труд священника* Сергия Соколова «Почему мы должны верить во Христа как в Бога?» – ответ толстовству и иным учениям, изображавшим Христа «просто человеком». Автор книги ярко показывает духовную бесплодность всех этих теорий. «Христианство, победившее мир, – пишет отец Сергей, – существует и до настоящего времени – не как просто нравственное учение, не как направление или школа, но как Вселенская Церковь». Аргументы отца Сергия идут не только от образованности, исторической и богословской эрудиции, но и от сердца непосредственно; и обращается он не только к интеллекту читателя, не только к его способности рассуждать, но и к его сердцу:

«Пусть не думает никто, что вера эта держится только на каких-либо отвлеченных рассуждениях. Сердце просит этой веры, и в сердце коренится она (Рим. 10, 10 – *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению*). Сердце вам говорит, что без Христа как Бога жить нельзя, нельзя и умирать. И если бы весь мир говорил вам, все ученые мира говорили бы, что Христа не было или если Он и был,

* В сан протоиерея отец Сергей был возведен в 1915 году.

то чудес не творил, из мертвых не воскресал, все-таки сердце ваше, знающее, что значит жить, что значит страдать, что значит терять близких и самому умирать, наперекор всем и всему скажет: „Нет; Христос был; Он творил чудеса и воскрес из мертвых. Он мой Бог и Спаситель – и в этой жизни, и в будущей“»

Как уже сказано, отец Сергей был законоучителем Первой Рязанской мужской гимназии – и вот какой речью он напутствовал своих питомцев в большую жизнь на выпускном акте 1910 года:

«Дорогие юноши! Что смысл жизни в любви – такую истину, такую правду жизни люди не сами нашли. Ее принес на землю Спаситель мира, Иисус Христос, который сказал про Себя: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). В Нем и ищите истины и правды жизни. Если же в своих юношеских порывах будете искать правды жизни без Христа и вне Христа, то заплутаетесь во тьме человеческих заблуждений. Порой заблестят пред вами болотные огни этих заблуждений, и вы пойдете за ними. Но они обманут вас, заведут в болото и тину, и вы там погибнете. Так погибает множество молодых людей в наше время, кончающих жизнь самоубийством.

Но не думайте, что Христову правду можно отыскать только через книги, путем рассуждений и умственных изысканий, – хотя Господь приводил к истине людей и этим путем. Есть другой путь – более легкий и более верный. Не отрывайтесь от верующей народной массы, и вы найдете путь к правде жизни: не думайте, что она темна и суеверна, а вы

выше ее. Если оторветесь, то засохнете духовно, как ветвь, оторванная от дерева: ее нужно только бросить в огонь (Ин. 15, 6). Будьте в общении с народным церковным телом, идите туда, где верующая народная масса живет и дышит, – в Божий храм; слейтесь душой и сердцем с нею, и вы не умом, а сердцем почувствуете, что такое правда жизни. Дайте волю вашему сердцу, и оно, вместе со всеми, воскликнет: „Отче наш, Иже еси на небесех!..“»

С 1918 года отец Сергей служил в Успенском соборе, с 1919-го – в рязанском Казанском женском монастыре. Когда «власть рабочих и крестьян» забрала монастырь под концлагерь для «чуждых элементов», отец Сергей перешел в храм Воскресения Христова («Воскресенье Сгонное» – потому что возле нее собиралось городское стадо – или «Звонное», так называли эту церковь в Рязани; в 50-х она была снесена).

«Всюду такой же – что ни делал, все благоразумно и умно», – пишет об отце Сергии упомянутый выше Степан Яхонтов. Все источники говорят о высоком духовном и нравственном авторитете протоиерея Сергия Соколова, о его известности в Рязани и не только в Рязани. Есть сведения, что он вел диспуты с обновленцами; что отказался от предложенной эмиграции. В сентябре 1925 года был арестован вместе с двумя архиереями – архиепископом Рязанским и Зарайским Борисом (Соколовым, своим однофамильцем) и викарным епископом Глебом (Покровским) – и еще восемью известными в Рязани протоиереями, в числе которых служивший вместе с отцом Сергием в Казанском монастыре Александр Климентовский.

Всем вменялась «организация нелегального контрреволюционного сообщества», а отцу Сергию, в частности, то, что он «способствовал распространению журнала „Циркуляры“ контрреволюционного содержания и созданию церковной библиотеки с подбором контрреволюционной литературы». Какое-то время обвиняемые провели в Рязанской тюрьме, потом их перевели в Москву, в Бутырки. Приговор датирован мартом 1926 года: Соколов Сергей Алексеевич отправлен этапом в ссылку, в Нарымский край. Ссылку он отбывал в селе Подгорное.

Вернувшись из ссылки в 1928 году, отец Сергий снова стал служить в Воскресенской церкви – вплоть до ее передачи обновленцам, предположительно в 1935 году. Степан Дмитриевич Яхонтов сообщает, что отца Сергия из храма выгнали, не дав даже забрать личные вещи, и что он «очень страдал без храма».

Дата смерти протоиерея Сергия Соколова – 6 октября 1940 года; есть основания полагать, что умер он все же своей смертью.

У отца Сергия и его супруги Евгении Васильевны было шесть детей: дочери Мария, Анна, Вера, Елизавета, Надежда и сын Николай. В начале 90-х Надежда Сергеевна – скорее всего, младшая из дочерей – обратилась в прокуратуру Рязанской области с просьбой о реабилитации отца, осужденного, напомним, в 1926 году, и в 1992 году такое решение было прокуратурой принято.

Повесть священника Сергия Соколова «Прощеный день» посвящена одному из самых пронзительных дней

церковного года – Прощеному воскресенью. Мы проживаем этот день вместе с мальчиком Сережей минута за минутой, от раннего пробуждения до утра чистого понедельника. Это действительно тот день, который, по слову поэта, длится «дольше века»: он выхвачен из потока времени и приобщен вечности. В этом дне – вся жизнь. Мы живем эту жизнь, зная, что ее уже нет, что она была безжалостно разрушена; мы вдыхаем ее запахи, слышим ее голоса, согреваемся ее теплом. Это реальная земная жизнь с горестями и трудностями; ее не назовешь райской, но Царство Небесное приближено к ней, оно присутствует в каждой земной минуте героев повести, потому что их жизнь неотделима от веры... Потому что, глядя на них, мы вспоминаем завет Христа: *истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 3).*

Марина Бирюкова

Т

Раннее утро. Я просыпаюсь от света, который бьет мне в глаза, от какого-то шороха и старческого кашля. Мне хочется открыть глаза, но в них стоят яркие радужные круги, которые дрожат, сталкиваются друг с другом, расплываются, потухают, опять загораются, опять дрожат и прыгают. Наконец от напора яркого света веки сами собой открываются. Свет исходит от лампы на чем-то высоком, а это высокое поставлено на лежанку, около небольшой квашни, в которой у нас «ставили» блины. Бабушка, снявши с квашни то, чем она обвязана, смотрит внутрь квашни, потом сосредоточенно качает головой. Лампа ярко освещает всю комнату, особенно генерала Бебутова на картине как раз против самой лежанки. Генерал Бебутов молодецкато

сидит на коне, откинувшись назад и запрокинув голову, широко размахнув правой рукой, в которой обнаженная шашка, а левой туго натянув поводья; серый конь взвился на дыбы, огромные копыта его передних ног высоко поднялись над длинным рядом синих солдатиков. В окне спальни никаких признаков рассвета; темная ночь глядит оттуда, и на свету лампы ярко белеют снежные пятна, которыми усеяно окно снаружи, — так бывает после метели. За стеной еще гудит ветер, похлопывает где-то ставня, уныло скрипя на заржавленных петлях. От всего этого еще больше хочется закутаться одеялом и заснуть. Дедушка, с которым я сплю рядом, проснулся, громко и с оттяжкой зевает, приговаривая: «О-о х, Господи, помилуй!» Бабушка стучит суставами пальцев в стену, за которой находится кухня.

— Нешто скоро теперь ее раскачаешь! — ворчит она.

— А-а-а-а-а, Господи, помилуй! Господи, помилуй! — зевает дедушка. — А ты, мать, постучи посильней. Она теперь пригрелась на печке. Поди-ка встань теперь на холод...

Бабушка стучит еще, и как будто с сердцем. За стеной послышалась возня. Кто-то как будто спрыгнул сверху. Жалобно запищала кухонная дверь, с силой отдернули дверь к нам, в горницу, и в прихожей что-то зашуршало, загремело: кухаркина шуба, мокнувшая под дождем и снегом и высухавшая на печке, всегда шуршала и гремела. На свет вышла Марья (у нас все кухарки были Марьи) в шубе, надетой в один левый рукав, с заспанным лицом, на которое съехал красный платок, кое-как затянутый в один узел. Марья остановилась в проходе двери в спальню, почти не раскрывая

глаз. Лицо ее как будто навсегда напиталось сажеей, которую, кажется, невозможно отмыть.

— Ну что ж ты стоишь? — обращается к ней бабушка. — Давай муку! Скоро к заутрене, а мы еще блины не потворяли.

Марья сладко зевает, закрывая рот углом шубы, под которым спрятана правая рука, движением плеч чешет спину и молча направляется к двери. В сенях слышно хлопанье дверями, отпиранье и запиранье замков. Бабушка села на сундук, опершись на него руками и углубившись в какие-то соображения: потом она зевнула и, крестя рот и еще не кончив зевоты, прерывающимся голосом обратилась к дедушке:

— Ты, отец, с обедней не спеши, дай нам блины наладить к обедне; да теперь и по селу бабы не управились...

— Что с вами поделаешь! Все от баб зависит: наше дело подначальное, — шутит дедушка. — Теперь того и гляди Петрович придет за ключами. Вели ты там калитку отпереть, а то у вас замерзнешь — не достучишься...

Молчание. За окном шумит ветер. В соседней комнате стучат часы. От шороха и движения проснулась кошка на лежанке. Она всегда там спит, забравшись туда еще в сумерки. На лежанку всегда кладутся на ночь валяные сапоги, чулки, различные фуфайки. Иногда, в сильные морозы, бабушка, чтобы сберечь тепло, укрывает на ночь лежанку одеялом. Забравшись во всю эту теплую мякоть, свернувшись кольцом и спрятавши голову, кошка спит очень сладко. Теперь она подняла голову и, щурясь на огонь, стала мурлыкать, потом стала лизать лапку и умываться.

— Что-то кошка умывается, — тихо говорит бабушка.

— Чего? — отзывается с кровати дедушка.

— Какой ты, отец, стал глухой! Кошка, мол, умывается. Должно быть, гостей чует: придут вечером прощаться.

— И охота тебе, мать, всякие пустяки примечать. Займись лучше блинами.

— Займись, займись... — ворчит вполголоса бабушка. — Вот она пошла и пропала, теперь жди ее, провалилась, совсем провалилась...

— Кто провалился? — спрашивает дедушка.

— Марья, говорю.

— Куда провалилась? неужто в подвал? ай-ай-ай!

— Эхма, — совсем сердится бабушка. — Марья пропала, а он — в подвал!

— Да она, видно, опять забралась на печь и спит себе. Ха-ха-ха, — благодушно хохочет дедушка, — молодец баба! Чем бы муку нести, а она на печь завалилась...

— Тебе смех, — обидчиво говорит бабушка, — а как блины будут плохи, небось брови надвинешь.

— Это чтобы ты не зазнавалась. Вашей сестре только дай поблажку! У нас в семинарии ректор Арсений говаривал: «Жену люби, а все-таки давай ей знать, что ты больше ея». Вот как!

— «Больше ея», — передразнивает бабушка, скрививши рот. — Ты, видно, только это и упомянул из семинарии, — начинает она сама подзадоривать.

— «Не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради», — наставительным тоном говорит дедушка.

— Эх, только бы нынче не Прощеный день, а то прочила бы я тебя с твоим Арсением, оставила бы я тебя без блинов... Вот тогда и разбирай, кто больше, кто меньше. — Бабушке самой становится смешно, и она заливается беззвучным хохотом, трясясь всем телом, кашляя и утирая выступившие от смеха слезы.

— Ох, Господи, согресишь с этими бабами, — говорит дедушка и с кряхтеньем начинает вставать с постели.

Бабушка опять стучит в стену, за стеной опять кто-то прыгает сверху, опять в сенях пищат и стонут двери. В горнице появляется Марья.

— Где же мука? — спрашивает бабушка.

— Какая мука? — с недоумением спрашивает Марья.

Бабушка, не произнося ни слова, укоризненно качает головой. Марья отчаянно зевает и, точно встряхнувшись, припоминает.

— О, мука-то?.. мука в кухне. Как вы давеча сказали, так я и принесла ее из чулана.

— Да ведь я тебе сюда велела принести, а ты взяла да завалилась опять спать!

— Спать? Что вы, матушка! Я, почитай, всю ночь-то ноченскую не спала, а вы — спать! Задремлю-задремлю, опять проснусь, опять проснусь... Душит меня, душит, подкатывает под сердце; страх меня одолевает. Вот слышу-слышу: кто-то по сеням ходит — сам кашляет: кха! кха! А то будто к воротам на тройках подъехали, с колокольцами, с бубенцами, тпру!.. Всю я ноченьку, милые мои, так промаялась.

— Это у тебя от блинов, — замечает дедушка.

— Ох, баба, что мне с тобой делать! — глубоко вздыхает бабушка. — Ну, давай муку!

Кухарка, совсем уже вышедшая из сонного состояния, бросается в кухню и сейчас же возвращается, держа в руках совок с мукой.

— Ну-ка, свети сюда, — говорит бабушка, наклоняясь к блинам. Марья правой рукой подняла лампу над квашней, а в левую взяла совок. Бабушка захватила с совка полные пригоршни муки. — Господи Иисусе Христе, — шепчет бабушка и осторожно опускает пригоршни в квашню; оттуда поднимается мучная пыль. — Господи Иисусе Христе, — снова шепчет бабушка и, вооружившись маленькой

лопаткой, умелой рукой начинает мешать тесто.левой рукой она придерживает верх лопатки, а правой кружит лопаткой в квашне; потом переменяет руки и начинает взбалтывать тесто, звучно шлепая по нем лопаткой. Даже кошка перестала умываться и, принявши покойную позу, стала наблюдать за действиями бабушки. Бабушка почему-то обращает внимание на кошку: — Ты чего глядишь? брысь!

Кошка тихо поднялась на ноги, выгнула спину, лениво потянулась и, мягко спрыгнувши на пол, беззвучно пошла в прихожую. Но вскоре она опять пришла, вспрыгнула на лежанку и уселась на прежнем месте. У Марьи опять начинают слипаться глаза, рука с лампой опускается, лампа наклонилась набок, из совка посыпалась мука.

— Марья, ты опять спишь? — строго окликает ее бабушка. — Ты мне керосину нальешь в блины.

Марья вздрагивает всем телом, откашливается, отвернувшись в сторону, чтобы показать, что она вовсе не дремала, и, нахмуривши брови, сосредоточенно глядит в кадку с тестом.

Блины наконец приведены в надлежащий порядок. Бабушка пальцем очистила тесто с конца лопатки, передала ее Марье, перекрестила кадку, обвязала, укрыла ее и подвинула на теплое место лежанки. Марья ушла в кухню. Бабушка села на сундук и опять погрузилась в какие-то размышления. Потом она зевнула, оправила под платком волосы и тихо заговорила, как будто сама с собой:

— Мне тоже всю ночь сны снились. Вот будто куда-то все еду, еду... то на лошадях, то на пароме через реку... Вот

тянем — а народу много, — тянем канат, все измучились, а паром ни с места... Потом... потом... что бишь потом? а-а-а, — бабушка зевает, — потом все спуталось. И уж будто принесла я с речки холсты и хочу их расстелить в саду, на траве. Стелю я, а откуда ни возьмись дьячиха Мартыновна, и давай у меня их вырывать. Я стелю, а она вырывает, я стелю, а она вырывает... Ох, Господи, грехи наши тяжкие! — вздыхает бабушка. — Зимняя ночь-то тянется точно год, сколько разных снов перевидаешь... И к чему все это?

— Холсты видеть, маменька, это к дороге, дорога предстоит, — говорит из соседней комнаты за перегородкой моя мать.

— Вот придет пост — и сны перестанешь видеть, — говорит дедушка, сидя на постели. Молчание. — А я, — продолжает дедушка, — видел во сне преосвященного Гавриила... Приехал он на Выселки, а я — благочинный, и будто опоздал... И никак я не могу надеть камилавку: хочу-хочу надеть, а она не лезет... А владыка и говорит мне — таково серьезно говорит: «Что же ты, отец благочинный, опоздал?» — Дедушка когда передает слова архиереев, то говорит величественно, с важностью и на «о». — Так у меня мороз по коже и пошел.

— Ну, отец, ты только и видишь во сне, что архиереев, — говорит бабушка.

— А ты все дьячиху да холсты, — смеется дедушка.

Кряхтя и шепча молитву, дедушка топчется по комнате, тяжело передвигая ноги в валяных сапогах, роется в углу, где навешано платье, лазит в карманы, говоря иногда вслух:

